

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.И. Орлов

**Чего требует истинный
СМЫСЛ автономии в отношении
наших академических наук?:
записка, читанная в Совете С.-Петербургской
Духовной Академии**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 1. С. 129-136.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Чего требуетъ истинный смыслъ автономіи въ отноше- ніи нашихъ академическихъ наукъ?

(Записка, читанная въ Совѣтъ С.-Петербургской академіи 15 дек. 1905 г.).

ИСТИННЫЙ смыслъ автономіи высшей школы въ томъ заключается, что учащіеся въ ней юноши вполне ввѣряются руководству въ изученіи наукъ и воспитательной дѣятельности въ добрыхъ нравахъ коллегіи профессоровъ этой школы. Въ то время, какъ раньше, профессоръ по своему юридическому и фактическому положенію былъ только исполнителемъ своихъ обязанностей исключительно въ отношеніи науки, и то въ опредѣленные часы,—когда раньше для профессора существовала только аудитория, а не ученикъ,—теперь профессоръ для ученика есть ближайшій учитель, и не только учитель, но старшій братъ его, учащій и воспитывающій его своимъ примѣромъ, своимъ авторитетомъ. Раньше было такъ, что профессора учили, а воспитывали другіе, въ лицѣ, такъ называемыхъ, начальниковъ школы, поставленныхъ для этого внѣшкольною властію; теперь эти воспитатели несутъ на себѣ только часть общаго труда, а вся тяжесть его лежитъ на коллегіи профессоровъ.

По идеѣ, такая постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла такъ разумна, что противъ нея ничего нельзя сказать. Она обѣщаетъ лишь хорошія послѣдствія уже по одному тому, что отношенія между профессоромъ и его ученикомъ устанавливаются самыя прямыя, естественныя, вытекающія изъ сущности ихъ общаго дѣла. Ни къ кому другому

(послѣ родителей) ученикъ такъ близко не стоитъ, какъ къ своему профессору. Общая цѣль науки—знать истину—ихъ связываетъ въ особенное духовное родство. Въ достиженіи этой высокой цѣли, ихъ взаимное отношеніе такъ трогательно, что не поддается описанію. Представимъ себѣ человѣка, испытавшаго, какъ труденъ и далекъ путь научной истины, и какъ необъятна область человѣческихъ мнѣній, — и подлѣ него юношу, жаждущаго знать истину, — юношу еще довѣрчиваго и жизнерадостнаго, какъ дитя. Профессоръ преждевременно не огорчитъ его невозможностію человѣческой истины, но направитъ его такъ, чтобы онъ шелъ прямою дорогою, не дѣлая лишнихъ и ошибочныхъ шаговъ. Ученикъ учится, и профессоръ учитъ и учится съ нимъ вмѣстѣ; отъ чего, какъ худого, отвращается профессоръ, отъ того отвращается и ученикъ его; что профессоръ любитъ, то начинаетъ любить и ученикъ его. Можетъ быть не у одного изъ насъ лежать на глубинѣ души добрыя въ этомъ смыслѣ воспоминанія о своихъ профессорахъ, не смотря на старый порядокъ, раздѣлявшій профессора отъ ученика. Это значитъ, что истина въ отношеніи между профессоромъ и ученикомъ можетъ прорываться даже сквозь закоренѣлую рутину. Если тогда, по присутствію этой истинѣ силѣ, профессоръ могъ оставлять въ душѣ своего ученика неизгладимый слѣдъ, то теперь для этого дано все. Онъ можетъ быть его руководителемъ и другомъ во все время высшаго образованія и, мало того, быть его помощникомъ и совѣтникомъ послѣ, когда прежній ученикъ - юноша станетъ дѣятелемъ - мужемъ, станетъ разочаровываться и огорчаться неудачами на поприщѣ своей дѣятельности.

Мы различаемъ, конечно, идеаль отъ дѣйствительности и сознаемъ, что много можетъ быть препятствій къ осуществленію его; эти препятствія могутъ быть, какъ со стороны профессоровъ, такъ и учениковъ, и, наконецъ, могутъ быть независимыя отъ обѣихъ сторонъ, — препятствія во внѣшнихъ условіяхъ. Отъ обсуждения тѣхъ личныхъ препятствій мы устранимся, потому что это дѣло личнаго суда каждаго, а о препятствіяхъ послѣдняго рода, какъ имѣющихся, именно, въ нашихъ академіяхъ, готовы сказать слѣдующее.

Серіи академическихъ наукъ по двумъ параллелимъ,

богословской и свѣтской, — почти равны между собою. Но если бы даже и не было этого равенства, такъ что число свѣтскихъ наукъ урѣзывалось бы до одной, или двухъ (что есть еще небывалая крайность), то и въ такомъ случаѣ профессора этихъ наукъ призваны автономіею къ непосредственному руководству и воспитанію, какое мы старались представить выше. А это значить, что профессорамъ такихъ наукъ нужно быть дѣйствительно *профессорами* ихъ, и наукамъ дѣйствительно *науками*. Какъ можетъ руководить профессоръ, когда онъ самъ не преданъ душою своей наукѣ, какъ неимѣющей цѣны? Безспорно, что науку нужно любить безкорыстно, жертвовать для нея всѣмъ до здоровья включительно, но всѣ ли способны къ этому? Человѣкъ есть всюду человѣкъ, и здѣсь также. Слѣдовательно, безкорыстія нельзя напередъ ожидать и отъ ученика. Наконецъ, у самого свѣтскаго профессора можетъ недостать рѣшимости взять въ свое руководство доврчиваго юношу, въ случаѣ безкорыстія ихъ обоихъ, — просто потому, что онъ живо чувствуетъ весь ужасъ безправія своей науки. А таковы, именно, всѣ свѣтскія наши науки. Не въ обиду говоримъ: поддѣлка подъ богословскій тонъ, или прибавка, такъ называемаго, „элемента богословія“, — это признакъ безправности свѣтской науки, прибѣгающей къ такому средству. Нужно, чтобы плодъ изученія свѣтской науки увѣнчивался и честью, свойственною ей, а это есть недостойное науки рабство, когда работа принадлежитъ одной сторонѣ, а честь другой. Нѣкоторыя науки не раздають этой чести, взятой отъ нея, и думаемъ, что здѣсь больше послѣдовательности. Отсюда выходъ можетъ быть двоякій: или выбросить свѣтскія науки совсѣмъ, какъ негодныя для академическаго образованія, или, не дѣлая изъ нихъ призрачныхъ наукъ, поставить ихъ на должную правовую высоту. Но кому легче всего выбросить ихъ? Тому, кто не знаетъ и не цѣнитъ самыхъ богословскихъ наукъ. Думаемъ, ни одинъ профессоръ-богословъ не сдѣлаетъ этого по чистой совѣсти, такъ какъ онъ на собственномъ опытѣ могъ убѣдиться, какъ важны и цѣнны для него свѣтскія науки. Послѣ Евангелія хорошо заглянуть въ какой-либо языческій памятникъ, въ святость котораго вѣрили и вѣрятъ миллионы такихъ же людей, какъ мы: тогда глубже проникаешься божественностію евангельскаго слова. Но, помимо того, развѣ можно выбросить исторію древнихъ

ассиріянъ и вавилонянъ, мидянъ и персовъ, когда рядомъ съ нею объясняются пророческія книги? Не мыслимо ограничиться однимъ библейско-церковнымъ греческимъ языкомъ, зачеркнувъ, какъ ненужное, все языческое греческое. Собственно, мы имѣемъ въ виду сказать больше этого. Не только богословскія науки нуждаются въ свѣтскихъ, какъ въ хлѣбѣ насущномъ, но и сами свѣтскія науки такъ тѣсно между собою связаны, что невозможно разграничить важное отъ неважнаго, потому что онѣ всѣ важны и всѣ нужны. Кто изучаетъ греческій языкъ и его литературу, тому нужны и другіе языки съ ихъ литературами, и наоборотъ. Кто изучаетъ гражданскую исторію, тому нужна и литература, потому что она была и есть главный двигатель культурнаго и, слѣдовательно, историческаго развитія. Словомъ, всѣ науки, какъ *единое* знаніе, и при томъ единое, какъ зерно, не раздѣльны между собою, и устанавливать взаимно-исключающія группы ихъ значитъ не понимать сущности научнаго знанія, руководиться только механическимъ приемомъ, годнымъ для вещественныхъ предметовъ. Мы заключаемъ, что не только для академіи нужны всѣ существующія въ ней науки, но онѣ необходимы въ ихъ полномъ составѣ и для всякаго отдѣльнаго ученика ея.

Намъ, конечно, возразятъ, и, повидимому, неопровержимо: предметовъ такъ много, что безъ такой или иной группировки никакъ нельзя обойтись. На это отвѣчаемъ, исходя опять изъ мысли о *нераздѣльной цѣльности* научнаго знанія. Научные предметы не то же, что осязаемыя вещи, которыя можно считать, и научное знаніе не то же, что полъно, которое можно расколоть на какія угодно части. Не предметовъ научныхъ много, какъ частей, на подобіе кучъ песку, а много названій *единого* научнаго знанія, изъ которыхъ каждое говоритъ не о большемъ, чѣмъ *свѣтовой тонъ въ единой и нераздѣльной призмѣ*. Выходя изъ такого ограниченнаго, повидимому, научнаго предмета, какъ греческій языкъ, можно охватить мыслию безусловно всѣ академическія науки. Для настоящаго случая считаемъ достаточнымъ сказать, что изучившій научно строй греческаго языка знаетъ вмѣстѣ съ этимъ всю психологію, и наоборотъ. Отсюда легко видѣть, какъ пагубенъ механический приемъ, который, къ сожалѣнію, считается педагогическимъ и, какъ таковой, всюду принятъ,—когда раздѣляется нераздѣльное. Думается, что, послѣ установки такой

точки зрѣнія на научное знаніе, не много нужно говорить о существующихъ теперь нашихъ спеціальныхъ группахъ, которыя суть пережитокъ стараго академическаго устава, когда-то дѣлившаго науки на три отдѣла, какъ на три кучи песку, или три осколка полѣна. Во всякой такой группировкѣ мы ничего не видимъ, кромѣ механичности; и здѣсь своего рода научный бюрократизмъ, когда внѣшнему и чуждому приносится въ жертву внутреннее и свое. Механичность группировокъ видна, наконецъ, изъ слѣдующаго безспорнаго факта. Въ настоящее время въ числѣ групповыхъ считаются всего только четыре предмета, или два для каждой параллели; не беремъ въ счетъ классическихъ и новѣйшихъ языковъ, надъ которыми механической произволъ еще сильнѣе тяготѣетъ. Нѣкоторые предметы, бывшіе въ 80-хъ годахъ групповыми, теперь въ ряду общеобязательныхъ. Такимъ образомъ, группа была до сихъ поръ слишкомъ условною вещью, и опредѣлялась разными другими обстоятельствами, но не существомъ научнаго предмета. Поставленное выше возраженіе мы считаемъ исчерпаннымъ, и думаемъ, что своими доводами были настолько убѣдительны, чтобы признать худую спеціальностію ту, когда одинъ ученикъ знаетъ объ ассиріянахъ, а другой о пророкахъ, одинъ умѣетъ объяснить догматы, а другой расскажетъ исторію ихъ, когда одинъ знаетъ Гомера, а другой—Виргилія. Такое знаніе для науки хуже незнанія. Можно съ успѣхомъ спеціализоваться, но совсѣмъ инымъ способомъ, чѣмъ былъ раньше, или теперь.

Совершенно иное дѣло было бы, если бы подъ каждою изъ трехъ старыхъ спеціальностей была подкладка отъ всѣхъ другихъ наукъ, невошедшихъ въ спеціальный кругъ; тогда бы Гомеръ и Виргилій не представлялись несравнимыми величинами. Но такая спеціальность была бы уже слишкомъ широка для обыкновеннаго человѣческаго ума, на который мы должны рассчитывать въ средѣ учащихся прежде всего. Человѣкъ внутри такъ устроенъ, что въ нераздѣльной призмѣ научнаго знанія онъ обычно можетъ видѣть наиболѣе ясно только одинъ свѣтовой тонъ; отсюда бываютъ уклоненія: или человекъ не видитъ ни одного такого свѣтового тона, или видитъ ихъ нѣсколько, но никто не можетъ видѣть ихъ всѣ. Слѣдовательно, въ разсужденіи о спеціализаціи ученика высшей школы, нужно принять во вниманіе два условія: 1) нераздѣльность научнаго знанія и 2) ограниченность обык-

новеннаго человѣческаго внутренняго ока только однимъ свѣтовымъ тономъ. А такъ какъ спеціализацію нужно начинать и кончать исключительно отдѣльнымъ ученикомъ, какъ живымъ существомъ, то ясно, что единство требуетъ единства, и ученику нужно спеціализоваться *только въ одномъ* излюбленномъ имъ предметѣ общаго научнаго знанія. Если ученикъ съ 1-го курса изберетъ для себя предметъ и будетъ имъ заниматься въ теченіи 4-хъ академическихъ годовъ, при опытномъ руководствѣ со стороны профессора, — будетъ писать то, что теперь называется семестровыми работами, по избранному предмету, и по нему же закончить самостоятельную небольшую ученою работою, и если въ то же время онъ прослушаетъ лекціонные курсы другихъ наукъ (на что потребуется не больше 4-хъ часовъ въ день, при распредѣленіи предметовъ по курсамъ и при 3-хъ лекціяхъ на каждый предметъ), то такого ученика мы считаемъ спеціалистомъ въ истинномъ смыслѣ, и онъ во всякой школѣ будетъ успѣшнымъ дѣятелемъ, и въ общественной жизни высокообразованнымъ человѣкомъ. Такая спеціализація требуетъ, какъ непремѣннаго условія, *равенства* богословскихъ и свѣтскихъ наукъ, и отвѣчаетъ истинному смыслу автономной высшей школы.

Кажется, ясно, что мы не имѣемъ въ виду, такъ называемыхъ, двухъ факультетовъ, богословскаго и свѣтскаго, которые для высшей школы такая же противоестественная механика, какъ и наши групповыя дѣленія. Мы хотимъ только улучшить существующій порядокъ, исходя изъ индивидуальныхъ потребностей ученика и возвращая наукамъ права, которыхъ онѣ заслуживаютъ, со времени введенія ихъ въ кругъ академическаго научнаго строя. Духовная школа не такъ изъ рукъ вонъ худа, что требуется строить все новое съ перваго камня. Духовная школа у насъ и остается духовною, и мы только предлагаемъ устранить прежнее насиліе надъ ученикомъ и научнымъ знаніемъ, установивъ гармоничное между ними отношеніе.

Цѣлей автономной академіи можно достигать при наличномъ составѣ профессоровъ. Не нужно забывать, что лекціонный путь усвоенія предмета есть лишь подготовительный, но не главный, и таковымъ онъ не можетъ быть по существу дѣла. Профессоръ, проведшій всю жизнь за изученіемъ своего предмета, все-таки не овладѣваетъ имъ до

конца, потому что здѣсь господствуетъ законъ: чѣмъ больше, тѣмъ больше; и такой профессоръ въ лучшемъ случаѣ сообщаетъ въ лекціяхъ только половину своего собственнаго знанія. Предметъ не можетъ быть переданъ ученику, хотя бы онъ слушалъ его отъ 3-хъ и даже 4-хъ профессоровъ. Да и къ чему это безцѣльное усиліе нагромождать голову ученика сырымъ матеріаломъ, который не удобоваримъ и легко испаряется въ самое короткое время, — къ чему это, когда есть лучшей путь, для котораго лекціонный — только подготовительная, *ориентирующая* тропинка. Этотъ путь есть тотъ, когда профессоръ руководитъ своего ученика *четыре* года, и постоянно слѣдитъ за его научными успѣхами. А чтобы вести такъ, самое большое, 10-ть учениковъ, — для этого достаточно одного профессора, — лишь бы онъ чувствовалъ правовую почву подъ собою; безъ послѣдняго не будетъ успѣха, хотя бы по 10-ти профессоровъ было на одномъ и томъ же предметѣ.

Цѣли академической автономіи не будутъ вполне осуществлены, если останется безъ вниманія обстоятельство, что высшая духовная школа для низшей есть то же, что голова для тѣла. Между ними должно быть правильное отношеніе, и именно, низшей школѣ нужно прислушиваться къ голосу высшей, и этой нужно идти на встрѣчу той. Самое естественное средство къ тому — это опредѣленіе коллегією профессоровъ своихъ же учениковъ на преподавательскія мѣста и непосредственное наблюденіе за ихъ преподавательскою дѣятельностію, составленіе руководствъ для низшей школы, или оцѣнка уже существующихъ. Словомъ, завѣдывать чисто учебной постановкой въ низшей школѣ, — это прямое дѣло высшей.

Наконецъ, весьма полезно коллегіямъ 4-хъ нашихъ академій періодически, хотя бы чрезъ 3—5 годовъ, собираться вмѣстѣ, для обсужденія разныхъ вопросовъ научнаго, учебнаго и педагогическаго свойства. Разобщенная жизнь академій уже теперь привела къ нѣкоторымъ частнымъ ихъ особенностямъ, а въ дальнѣйшемъ, при автономномъ строѣ, такихъ нежелательныхъ особенностей можетъ быть больше.

Итакъ, главные наши выводы слѣдующіе:

1. Свѣтскія науки совершенно равны по своимъ правамъ съ богословскими, такъ что ученикъ можетъ получить ученую степень кандидата прямо по своему избранному

предмету, и этимъ не перестаетъ быть духовнымъ воспитанникомъ.

2. Предметная спеціализація начинается съ 1-го курса, и состоитъ въ самостоятельныхъ письменныхъ работахъ и постоянномъ занятіи этимъ предметомъ въ теченіи 4-хъ годовъ, подъ руководствомъ профессора.

3. По остальнымъ предметамъ обязательно выслушаніе лекцій, съ экзаменомъ при переходѣ изъ курса въ курсъ.

4. Коллегія профессоровъ вѣдаетъ опредѣленіемъ на преподавательскія мѣста и надзоромъ за педагогическою дѣятельностію въ низшей школѣ, составляетъ, оцѣниваетъ учебныя руководства и пособія.

5. Составъ наукъ остается тотъ же, но нуждается въ болѣе логичномъ распредѣленіи по курсамъ.

6. Черезъ 3—5 годовъ академическія коллегіи собираются на общій совѣтъ.

Э. о. профессоръ протоіерей М. Орловъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки